

К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ РОМАНА К. СИМОНОВА «СОЛДАТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ»

Е. КОЛПАКОВА

Несправедливая статья И. Кузьмичева о современном военном романе, в которой он обвиняет многих наших писателей и особенно К. Симонова в излишнем внимании к событиям войны и невнимании к человеку, вызвала вполне заслуженные отрицательные критические отзывы¹. В то же время она вновь возродила разговоры о современной «Войне и мире». Эти разговоры начались еще во время самой войны, хотя, кажется, каждому ясно, что повторений ни в истории, ни в литературе не бывает и быть не может. Кузьмичев тоже, как будто с упреком, пишет: читатель более 20 лет терпеливо ждет «Войну и мир». А ведь он забывает, что в XIX в. читатель ждал более 50 лет, пока Л. Н. Толстой задумал написать роман о жгучих проблемах современности, о возвращающихся из ссылки декабристах, именно поэтому он обратился к декабрьскому восстанию и его истокам, и только так он дошел до эпохи 1805—1812 гг.

Таким образом, Кузьмичеву и его единомышленникам надо еще долго ждать, хотя думается, что ожидание это безнадежно. Роман «Война и мир» был для Толстого ответом на мучившие его вопросы о роли народа, о месте и роли разных классов и, в первую очередь, дворянства в истории страны, о философии истории и войны, о личности и ее активной роли в жизни общества. Мы можем не соглашаться с теми или иными ответами Толстого, но не видеть его вопросов и проблем, это значит неправильно прочитать эпопею.

Конечно, если говорить серьезно, мечты о сегодняшней «Войне и мире» это мечты о книге, вобравшей весь опыт и смысл Великой Отечественной войны, всю ее философию и все богатство человеческого духа.

Возможно ли это? Отечественная война 1812 г. в сознании сегодняшнего читателя ассоциируется с «Войной и миром» Толстого и рядом стихотворений Жуковского, Пушкина, Лермонтова, но ведь это то, что осталось после естественного 150-летнего исторического отбора, да и сами события этого далекого времени во многом живы в нашей памяти именно благодаря литературе.

События же Великой Отечественной войны слишком близки и дороги всем нам и даже тем, кто вырос после войны, но воспринимает эту недавнюю историю через живые следы и воспоминания очевидцев.

¹ И. Кузьмичев, Заметки о современном военном романе.— «Октябрь», № 3, 1965. Отрицательный отзыв об этой статье — С. Гайсарьян, «Призвание литературной критики». — «Правда», 28. III. 1965.

Сама же богатая литература о войне (военного и послевоенного времени) во многом не облегчает появления итогового произведения об этих годах, а затрудняет, ибо в сознании и сердце читателя живут не сухие исторические сведения, а живые поэтические материки, которые вместе создают очень яркую картину жизни.

Всё это делает и теоретически и практически неверными бесконечные разговоры об одном итоговом произведении.

В читательском восприятии и литературоведческой науке уже совершенно ясно сложились три круга произведений о Великой Отечественной войне, связанных с определенными периодами нашей жизни: книги, появившиеся в ходе самой войны, первые послевоенные произведения и книги, выходящие со второй половины 50-х годов. Нет необходимости объяснять, что различие в этих кругах обусловлено изменениями в исторической обстановке.

Может быть это особенно ярко заметно на писательском пути Константина Симонова, который связан с темой Отечественной войны уже четверть века и активно работал в литературе на всех этих трех этапах.

Последние романы Симонова «Живые и мертвые» и, особенно, «Солдатами не рождаются» — своеобразный итог, результат и его личного военного творчества и всего развития военной темы в литературе за четверть века.

Не случайно эти романы вызвали большую и все еще продолжающуюся дискуссию, которая касается, главным образом, вопросов жанра, способов подачи жизненного материала, центральных героев, а также изображения отрицательных явлений нашей действительности.

Самими названиями своих романов Симонов подчеркивает, что речь идет не об отдельных героях и не об отдельных явлениях, а о том, что было самым главным и решающим — о народе на войне. Изображение народа всегда связано со стремлением к созданию эпоса, но эпоса это не просто рассказ о жизни народа, это народ в решающем переломном испытании своей судьбы и сознания.

Именно этот подход определил и периоды, изображенные Симоновым в его романах, и их названия.

Первые месяцы войны, месяцы проверки нашей стойкости, выдержки, силы народной, месяцы, когда отдельные очаги сопротивления постепенно сливались в общую несокрушимую линию и привели к первому крупному победному наступлению под Москвой, которое имело громадное моральное, психологическое значение. Тогда, особенно в самые первые недели войны, была важна способность каждого на своем месте беззаветно драться и побеждать, часто ценой своей жизни. Широкая панорама первых боев и нашего нарастающего сопротивления, своеобразным символом которого становится путь полка, а потом дивизии Серпилина, это лучшее в «Живых и мертвых». Все эти картины и эпизоды даны с предельной эмоциональной напряженностью, хотя внешне и очень сдержанно. Не случайно все последующие произведения о начале войны, появляющиеся сейчас все чаще, волей или неволей во многом повторяют Симонова.

Второй роман изображает период, когда наша армия вела грандиозное наступление на юге, вокруг Сталинграда, период, когда она показала свою профессиональную зрелость, ибо с этого момента мы уже никогда не отступали, а только шли вперед, хотя, конечно, отнюдь не легко и не просто. С этой мыслью связано название романа, — ведь солдатами не рождаются, а становятся в великой школе боев и испытаний.

Солдат для Симонова — это человек, связавший себя с армией, это вся армия от маршала до рядового. И главное для писателя в солдате, нашем советском солдате, это не только чувство дисциплины, но и, в первую очередь, чувство долга, личной ответственности. Поэтому внимание к вопросам военного мастерства, знаний, умений, характерное для Симонова всегда, соединяется в этом романе с вниманием к человеческим качествам, нравственной силе, интеллектуальному миру героев.

Во многом споры о жанре своих романов вызвал сам Симонов, когда он в одной из статей выдвинул термины «романа — события» и «романа — судьбы». Если отбросить некоторую неизбежную узость и ограниченность, свойственную почти каждому термину, а постараться рассмотреть существо мысли, то окажется, что в рассуждениях писателя нет почти ничего из того, в чем многие упрекают Симонова и как теоретика и как романиста.

В наше время (после Октябрьской революции) во многом изменились отношения человека и общества. Все больше крепнут и расширяются связи отдельного человека с различными группами и коллективами людей и их взаимное влияние друг на друга. Для нашей эпохи характерна ликвидация изолированности и замкнутости в быту и на производстве, в общественной жизни и на отдыхе.

Именно поэтому необычайно возрастает связь личного и общественного, не в том обычном примитивном смысле, что личное подчиняется общественному, а в том, что личность наиболее сильно и ярко проявляет себя в обществе. И тут опять-таки взаимная связь. Своеобразие и красоту личности мы видим только тогда, когда они проявляются в общественных отношениях. И чем более важные, более крупные совершаются общественные события, испытания, переломы, тем более яркие и сильные человеческие характеры вызывают они к жизни. В этом смысле и рассматривает Симонов «событие», как средство проявления характера, как форму раскрытия человеческой личности. Событие не заслоняет человека, а, наоборот, способствует наиболее яркому проявлению индивидуальных качеств человека.

Таким образом, роман-событие это показ человека в наиболее важном, главном для его жизни и личности событии, там, где он раскрывается наиболее глубоко, может быть, даже неожиданно для себя и окружающих.

До сих пор явно неудачными были все попытки создать биографические романы о войне: или война оказывалась иллюстрацией к действиям героев или, наоборот, герой иллюстрировал отдельные военные события. Естественно, что одна человеческая судьба, какой бы значительной она ни была, не может вместить в себя все, что связано с великой войной. К счастью, романы о Сталине на войне в свое время написать не успели, иначе это насильственно постарались бы сделать.

Раз человек наиболее ярко проявляет себя в событии, то очень важно, какую роль он в этом событии играет, какое место он занимает в обществе, или иначе, каковы его отношения с народом.

Человек и народ — проблема, которая рассматривается у нас, большей частью, только в историческом плане, а она очень и очень современна. Но дело в том, что она совершенно изменилась. Народ сейчас — все общество, а не какая-то его часть, хотя и очень большая, как это было раньше. Вот почему отношения человека к народу и отношения ко всему обществу у нас слились, а понятия народности

и партийности, как защиты самого передового и демократического, стали идентичными.

Это касается и литературных героев. Почему рабочий — это народ, а инженер нет, колхозник — это народ, а агроном или тем более председатель колхоза нет? Даже если подходить с экономической, а не только с политической точки зрения, то в наши дни производство материальных благ и уровень благосостояния не меньше, если не больше зависят от агронома и инженера, чем от колхозника и рабочего.

То же и в армии, почему солдат — это народ, а офицер нет? Симонова многие упрекают за то, что центральные герои у него не солдаты, а офицеры. Но надо рассмотреть, какие это герои и почему их автор ставит в центр повествования.

Дело даже не во внешнем положении, а в том, какая идейно-художественная проблема связана с тем или иным героем.

Для произведений о гражданской войне, о пути народа в этот исторический период самыми главными были проблемы пути человека, пути народа к революции. Поэтому и главным героем был тот, кто шел к революции, к пониманию ее великой правды, подчас сложным и трудным путем. Он мог быть интеллигентом, как у А. Толстого или простым казаком, как у М. Шолохова, он мог найти эту правду или даже совсем не понять ее, но так или иначе он был связан с этой решающей для того времени не только политической, но и нравственной проблемой.

В годы Отечественной войны этой проблемой уже не было. Смысл войны, ее характер были ясны всему народу с первых дней. Было ясно, что речь идет не только о защите нашей исконной территории, а о защите нашего советского государства.

Но и во время этой войны происходил процесс нравственного, идейного роста, возмужания народа и каждого человека, за которым внимательно следила наша литература.

Происходило почти одновременно, как постепенное постижение всего ужаса кровавого нашествия, всей трагедии народа, так и рост чувства личной ответственности за победу, обязательности личного участия в кровавой борьбе и испытаниях народа. Зрелость нашей литературы так же, как и народа проявилась в том, что она об этом писала еще с первых дней войны. Но тогда, во время войны, да и много позже это становление военной, патриотической зрелости не связывалось со становлением гражданской зрелости, с умением видеть не только сильные и слабые стороны врага, но понимать свои сильные и слабые стороны, причем не только экономические или чисто военные, но и те серьезные политические недостатки, которые мешали нашей успешной борьбе за победу.

Одна из главных особенностей дарования Симонова состоит в том, что он — писатель сугубо современный; о чем бы он ни писал, он пишет о том, что сегодня волнует или, вернее, начинает волновать читателя.

В обоих своих романах на материале войны он стремится ответить на самые трудные вопросы, поставленные XX и XXII съездами партии.

Но эти романы, выражаясь традиционными литературными формулами, отвечают не только на вопрос «как это было» и даже не только «кто виноват», но главным образом «что делать, чтобы этого не было». Или иными словами, Симонов стремится не столько ошарашить читателя изображением ошибок и просчетов Сталина, сколько углубиться в правду жизни тех лет, постичь историческую истину во всем ее объеме и извлечь из нее уроки для современности.

Это стремление хорошо выразил сам К. Симонов в своем выступлении на пленуме правления московской организации писателей, посвященном 20-летию нашей победы над фашизмом. Он заявил: «Мы должны на всем протяжении войны и на максимально возможной для каждого из нас глубине проследить всю ту цепь причин и следствий, из которых состоит история войны — с ее первыми поражениями, с ее сложными и длительным переломным периодом, с ее все нарастающими и нарастающими по своим масштабам победами... И о каком бы дне войны мы ни писали — о ее первом или ее последнем дне, и в каком бы пункте ни происходило действие наших книг — в осажденном Сталинграде или в окруженном Берлине, мы всегда должны держать в своей памяти и в своих чувствах весь ход войны, все ее испытания, все ее поражения и победы. Нельзя писать о падении Берлина, забыв о Минском шоссе 41 года, и нельзя писать об обороне Бреста, не держа в памяти падение Берлина, хотя павшие в сорок первом так и не узнали об этом»².

Это стремление передать правду войны во всем ее объеме и связано с желанием понять, чем же эта правда важна нам сегодня и будет нужна завтра.

Такая писательская задача во многом объясняет художественное своеобразие последних романов Симонова и общее и различное в них.

В критике уже прозвучало определение, в котором «Живые и мертвые» были названы романом-исповедью, а «Солдатами не рождаются» романом-исследованием. В этом определении хорошо уловлена разница в стиле этих двух романов.

Если первый роман, несмотря на привычную для Симонова внешнюю сдержанность, самым тоном повествования, подбором эпизодов, связью между ними потрясает по-новому увиденными и показанными картинами первых дней и месяцев войны, а уже сложившись воедино в нашем сознании, взбудоражив нас, эти картины вызывают дальнейшие размышления и вопросы, то второй роман сразу захватывает нас интонацией раздумья, осмысления событий и явлений жизни.

Интересно отметить, что, рисуя бои под Сталинградом, о которых Симонов писал еще в годы войны, он выбирает теперь не месяцы обороны, как в повести «Дни и ночи», а месяцы наступления, причем не начало, а самый разгар окружения фашистов в городе и ликвидации окруженной группировки (январь—начало февраля 1943 г.). Если месяцы обороны Сталинграда были как бы самой высшей точкой нашего сопротивления, показали, на что мы были способны, сдерживая врага, то окружение и разгром немецкой армии в Сталинграде были переломом в войне и потому, что мы больше никогда не отступали, и потому, что впервые стали наступать по-новому, окружая врага, и потому, что наступил психологический перелом в войне.

Величайшая напряженность войны для всего народа и для каждого человека и в то же время зрелость армии и народа, выдержка и спокойное мужество людей, внутренне заведенная безотказная пружина — все это находит свое отражение и в стиле и в композиции романа.

Не случайно начинается он со встречи Нового Года в землянке Серпилина в относительно спокойной для тех условий обстановке, что само по себе располагает к подведению итогов, размышлениям о будущем, воспоминаниям и раздумьям о человеческих отношениях. И хотя эта почти идиллическая для войны ситуация прерывается со

² Народному подвигу посвящается. «Отчет о пленуме «Великая Отечественная война и литература». — «Литературная газета», № 55, 6. V. 1965.

2-ой главы историей с Барабановым, а потом вызовом Серпилина в Москву, но тональность размышлений, анализа и обобщений остается главной в романе.

Конечно, и время, о котором теперь пишет Симонов, иное, и люди во многом стали другими, но главное, что перед писателем здесь стоят более глубокие, исследовательские задачи.

Уже не раз отмечали, что главная проблема всех книг последних лет о войне — это проблема гуманизма. Внимание к человеку на войне, это и внимание к народу на войне, это и пламенное выступление против бесчеловечности и жестокости войны, против всяческих попыток представить войну средством, необходимым для оздоровления человечества, но это и истинное раскрытие того, чем была Великая Отечественная война в жизни нашего народа и в жизни каждого советского человека, какой великой школой и какой великой проверкой и испытанием она стала.

В романах Симонова проблемы гуманизма тоже являются главными, но если в «Живых и мертвых» в центре стоит проблема доверия к человеку и народу и одновременно веры в человека и народ, то в «Солдатами не рождаются» главной является проблема ответственности человека за все, что совершается вокруг.

Наш гуманизм, который Горький называл воинствующим, тем и отличается, что он сочетает доверие и любовь к человеку с высшей требовательностью к нему. Особенность положительного героя советской литературы в том, что он беспредельно требователен сам к себе, что идеалы, исповедуемые им, не насильственно притянуты, а являются естественной сущностью его личности тем, без чего он не может существовать как человек.

Современность романа именно в том и заключается, что главная его проблема — это проблема требовательности к герою, исторической ответственности каждого человека. Зрелость армии, зрелость солдата, командира не только в воинском мастерстве, технической вооруженности, а в идейной зрелости или гражданском мужестве ее воинов. Гражданское мужество — это умение защищать свои идеалы и принципы в любой обстановке. Характерно, что в этом романе очень много ситуаций, где герои раскрываются в отношениях с вышестоящими начальниками, ибо именно здесь проверяется цельность личности, сила характера, глубина и твердость убеждений.

Эта идейно-художественная задача и сделала главным такого героя как Серпилин, который, по общему признанию, является большой творческой удачей автора. Серпилин, несмотря на его высокое положение, истинно народный герой, ибо в нем наиболее ярко видны лучшие черты нашего народа, черты, рожденные Октябрьской революцией. Это черты бескомпромиссной требовательности к себе, бесстрашной ответственности, высокой сознательности и стремления не только своими руками, своей жизнью строить и защищать свою советскую Родину, но и чувствовать личную историческую ответственность за судьбу Советского государства — все это и есть черты настоящей коммунистической партийности. Слияние партийности с народностью проявляется не только в том, что идеи партии овладевают все большим количеством людей, но и в том, что сами эти герои-коммунисты во всей их человеческой сложности понятны всему народу, а не являются для него часто привлекательными, но загадочными личностями, как это было в период гражданской войны.

Образ Серпилина важен в романе не только сам по себе, но как своеобразный нравственный эталон, по которому читатель проверяет

всех других героев, а иногда и сами они (герои) равняются на Серпилина. Главная особенность этого человека в ясно осознанном им чувстве личной ответственности за судьбы сотен и тысяч людей, доверенных ему.

Пожалуй, нигде еще в литературе не вставал с такой остротой вопрос о нравственной личной ответственности офицера за жизнь подчиненных, как в этом романе.

Уже в первом диалоге Серпилина и Бережного, в первых колких репликах Серпилина возникает эта тема. Речь идет о том, стоит или не стоит в новогоднюю ночь «шуметь» на переднем крае. И Серпилин относится к этому очень серьезно, думая именно о том, нужно ли ради показательной активности подвергать солдат лишней опасности³.

И глубокие раздумья Серпилина в то время как Пикин читает победную сводку все о том же: «О нем говорят, что он умеет беречь людей. Но что значит — «беречь людей»? Ведь их не построишь в колонну и не уведешь с фронта туда, где не стреляют и не бомбят и где их не могут убить. Беречь на войне людей — всего-навсего значит не подвергать их бессмысленной опасности, без колебаний бросая на встречу опасности необходимой»⁴. Эти размышления вызывают в памяти его яркие тяжелые эпизоды из жизни дивизии, связанные с Пикиным и Бережным, и читатель наглядно видит, как сложно, как подчас мучительно трудно решается этот вопрос по-своему в любой отдельно взятый день войны. Но это все еще воспоминания.

История с Барабановым,готавливаемая уже с первых строк, нарушает спокойную жизнь дивизии. Этот эпизод дан подчеркнутно необычно, в заостренно трагическом плане, ибо в нем как раз проявляется нравственное легкомыслие Барабанова. Все поведение Серпилина направлено на то, чтобы пробудить у Барабанова чувство нравственного стыда, виновности и необходимой расплаты, хотя сам Серпилин сначала не до конца осознает эту свою цель. Трагичность этого эпизода обостряется еще тем, что расплачиваются за легкомыслие Барабанова, с одной стороны, его подчиненные (солдаты и офицеры, мы узнаем конкретно только об одном, капитане Тараховском), а с другой стороны, Серпилин (о чем, кстати, Барабанов не знает).

Позже, в середине книги, Симонов вновь возвращается к этому эпизоду, когда мы узнаем, что нравственной жертвой поступка Барабанова мог стать и лейтенант Богословский, если бы не суровая и требовательная поддержка более закаленных товарищей по батальону.

Попытка Барабанова к самоубийству совсем не то же, что самоубийство полковника Баранова в «Живых и мертвых». Там это было очередное проявление трусости вконец обанкротившегося человека, да еще точно неизвестно, сознательное ли, так как выстрел мог быть и случайным, а здесь, наоборот, первое пробуждение чувства гражданского мужества, личной нравственной ответственности. Характерно, что это понимает Захаров, но не понимает Батюк, который видит только трусость. Последняя встреча Серпилина и Барабанова на дороге показывает, что Симонов не хочет в нем (Барабанове) видеть героя, но подчеркивает его нравственный рост, рост личности.

³ Интересно, что подобная ситуация была и в повести «Дни и ночи», когда корреспондент газеты Авдеев пришел в батальон к Сабурову, и там она как раз решалась по-другому. Авдеев, доказывал, что подобная активность важна и для фашистов и для нас, и Сабуров, хотя это ему и не очень пришлось по душе, поддержал журналиста. Но там даже не возникла мысль, а необходимо ли это делать, с точки зрения возможных жертв.

⁴ К. Симонов, Солдатами не рождаются, М., 1964 г., стр. 14. В дальнейшем, сноска на роман будет даваться в тексте по этому изданию с указанием только страницы.

Можно сказать, что все герои романа связаны с этой, нравственной проблемой, проверяются ею: Батюк и Кузьмич, Синцов и Цветков, Иван Алексеевич и Малинин и множество эпизодических персонажей.

Но главным центром этой проблемы, притягивающим к себе именно с этой точки зрения всех остальных героев, является образ Серпилина и вся его жизнь. Не случайно в этом романе он, в жизни и в воспоминаниях, проходит как бы между двумя вершинами: историей со взятием Бугров и встречей со Сталиным. В первой проверяется нравственная сила Серпилина и окружающих его людей, во второй глазами Серпилина оценивается Сталин. Именно потому, что для Серпилина эта встреча со Сталиным была вершиной его нравственного подвига, он воспринимает в поведении и высказываниях Сталина такие оттенки и нюансы, которые другой человек, да и он сам в другой ситуации возможно и не заметил бы. Но при этом надо помнить, что мы узнаем из этой сцены о Сталине значительно больше, чем Серпилин. Ведь кроме их разговора и молчаливой внутренней оценки друг друга, больше половины главы занимают внутренние раздумья Сталина, о которых не только не знает, но и не может догадываться Серпилин. Эти внутренние раздумья, как и многие другие авторские оценки Сталина написаны уже полностью с точки зрения 1963—1964 годов. Именно они придают роману и современное звучание и освещают основную нравственную проблему, как проблему не только и не столько военную, сколько современно-политическую.

В романе культ личности осуждается, в первую очередь, нравственно, а именно эти его нравственные преступления становятся основой всех других преступлений и ошибок. Вот почему и во всех высказываниях и во всех раздумьях Сталина подчеркнуто полное пренебрежение к живому человеку, к личности, его нелюбовь к людям и боязнь их. Но прекрасно зная, насколько это и теоретически и практически не соответствует его положению, Сталин всегда это тщательно скрывает и, может быть, только чуть-чуть неожиданно приоткрылся во время такой встречи как встреча с Серпилиным, ведь и для него она была отнюдь не обычной.

Нравственное осуждение культа личности особенно остро звучит в обрисовке отрицательных и полумногочисленных героев, которые занимают очень важное место в системе образов романа. И это, пожалуй, тоже впервые в нашей военной литературе стремление дать конкретно-исторический анализ отрицательных явлений этого периода. Конечно, у нас и раньше появлялись в отдельных книгах трусы, перестраховщики, шкурники и даже предатели. Их личная история и судьба иногда более, иногда менее художественно была объяснена, но в историческом плане они не были связаны с эпохой, такого типа люди могли появиться в любое время и в любых тяжелых условиях.

Симонов сознательно не останавливается подробно на явных шкурниках, хотя для полноты картины дает эти проходные эпизоды (родители Нади и майор с ворованным сахаром и зав. столовой — воровка на заводе в Ташкенте). Это явление известно, в тяжелые минуты жизни страны всегда появляются паразиты, с ними надо бороться путем уничтожения (конечно, не обязательно физического), закрывая возможные пути паразитизма.

Гораздо большее внимание уделяет он таким фигурам, как Батюк и Капустин и, особенно, Люсин и Бастрыков. Это именно те люди, в которых проявляется отрицательная сторона данного исторического периода, данной эпохи, хотя в каждом по-разному и с разной силой.

Кульť личности основан на потере чувства нравственной ответственности перед людьми и за судьбы людей. Эта живая человеческая связь и взаимозависимость оказывается замененной абстрактной ответственностью перед человечеством и историей. Но и меру этой ответственности и ее, так сказать, сущность (содержание тех или иных действий) определяет сам человек, оказавшийся во главе общества. Ну, а личная оценка очень часто бывает субъективной, односторонней и ошибочной.

Симонов развенчивает культ личности не только показом его преступлений, но и показом тех нравственных уродств, которые он порождает.

Командующий армией Батюк и директор крупного ташкентского завода Капустин по масштабам своей деятельности близки друг к другу, но как личности они совершенно не похожи, хотя на каждом из них отразились определенные отрицательные веяния этого периода.

Капустин появляется только в одном эпизоде. Это дельный, талантливый, сильный руководитель, которого ценит и даже по-своему любит Калинин. Но есть у него одна черта, из-за которой они всегда спорят с Калининым. Интересы дела он никогда не стремится соединить с интересами каждого отдельного человека, заботой о нем. Он не ищет более сложного, трудного выхода, как бы объединяющего обе стороны, а просто, не раздумывая, обрубает вторую сторону, забывая о ней. Говоря о Капустине, Симонов подчеркивает, что точность и дисциплина в его понимании приобретали не только положительный, но и отрицательный смысл, так как под этими понятиями у него скрывались невнимание и равнодушие к людям, а подчас и презрение к ним, хотя сам он этого не сознает.

Писатель жестоко заканчивает характеристику Капустина словами: «Директор и умел и любил обрывать людей на полуслове, считая это уроком дисциплины. Бывал прав и неправ перед людьми, но в размышления об этом не входил, заранее считая, что всегда прав» (стр. 375). В этом высказывании и поведении Капустина очень ярко проявляется одна из характерных черт того периода, с его знаменитой теорией «человека-винтика». Симонов ошутимо показывает, какой урон наносила эта теория психологии даже хороших, сильных руководителей.

Характерно, что в романе Капустин противопоставлен Калинин, у которого нет ни капли жалостливости, внешней мягкости и доброты, тем самым подчеркивается, что дело, отнюдь не во внешних проявлениях этих качеств. Калинин — человек внешне сумрачный, резкий и грубоватый — настоящий партийный руководитель не только потому, что он видит не одни руки рабочих, а их голову и сердце и именно во время войны совесть руководителя видит в том, как он бережет людей: «Люди на все готовы, раз война! Готовы и в не остывший от плавки мартен лезть! Но иногда надо и совесть иметь, чтобы удержать.» (стр. 376). Но, пожалуй, еще более важно, что Калинин воспитывает в каждом рабочем и особенно коммунисте чувство личной ответственности, умение самому принимать решения и отвечать за судьбы и жизнь людей, находящихся рядом.

Образ Капустина не новый в нашей литературе, он во многом перекликается с образами Листопада, Вальгана и других. Но здесь, в книге о войне, генеральская форма Капустина ставит его рядом с генералами на фронте и не случайно на заводе речь идет тоже непосредственно о жизни людей. Это невнимание к людям, и к их личности и к их жизни, прямо перекликается с тем счетом людей в армии на

спички, палочки, против которого так яростно восстают Серпилин, Синцов и многие другие. И в этом как раз проявляется общее между генералами Капустиним и Батюком.

Батюк в отличие от Капустина фигурирует в романе неоднократно. Мы видим его в разных ситуациях и узнаем о его отношениях с самыми различными людьми. Уже на первых страницах Серпилин вспоминает об одном из знаменитых разносов Батюка, потом нас настораживает история с Барабановым, протееже Батюка, некоторые другие эпизоды, личность Батюка раскрывается в первой беседе Серпилина с Иваном Алексеевичем, где проводится прямая параллель между Батюком и Барабановым и, наконец, история Батюка получает свое завершение в мыслях Сталина, когда Сталин как бы приоткрывает и его прошлое и его будущее. Такое внимание автора к этому человеку объясняется тем, что в его судьбе видны прямые пороки культа личности. Он занимает пост не соответствующий его способностям и знаниям. Он выдвинулся только потому, что в результате беззаконий этого периода все время освобождались места и надо было на них выдвигать людей, а он в «эти долгие, полные всяческих подозрений годы казался ему (Сталину — Е. К.) достаточно надежным исполнителем всего, что бы ни приказали» (стр. 678).

Симонов отнюдь не рисует Батюка бессовестным карьеристом и трусом, наоборот, он безусловно храбрый человек, порядочный и по своему справедливый, умеющий быстро ориентироваться и принимать решения в острых ситуациях. Но армией в современных условиях, с учетом всего сложного взаимодействия войск, он командовать не может, его выручают только сильные начальники штаба. Естественно, что в романе Симонов говорит об этом все с той же самой важной для него точки зрения, нравственной ответственности за жизнь и судьбу каждого солдата. Грубость и резкость Батюка не сочетаются с заботой о людях, а, наоборот, прикрывают эгоистическую заботу о своем престиже командующего.

Уже в первом разное, о котором вспоминает в новогоднюю ночь Серпилин, он ругал подчиненных фактически не за их, а за свои ошибки и требовал продолжения наступления не потому, что были соответствующие условия, а потому, что проваливался его план. И потом не раз он сталкивается с Серпилиным именно из-за стремления бросать людей в бой без достаточного обеспечения операции. Серпилин, как всегда, оценивает это прямо и трезво: «Говорит человек — пехота, пехота! Наша пехота способна чудеса творить!.. Так что же, спрашивается, мы должное отдаем пехоте, когда требуем от нее, чтобы она без ума, с одним «ура» шла?» (стр. 429). Значит, несмотря на субъективную честность Батюк приносит вред, так как не умеет творчески воевать и подчас зря губит людей. Из этого основного недостатка Батюка вытекали и другие. Он не любил, «когда кто-нибудь бывал виден из-под него», т. е. он не любил, когда у него бывали творческие, самостоятельные помощники и подчиненные. Патриотизм Батюка часто бывал местным, ограниченным. Ради того, чтобы на час раньше соседей выскочить вперед, он иногда готов был на нерасчетливые и необдуманные действия. Все это вместе и есть проявление недостаточной нравственной чистоты и стойкости, а видны эти отрицательные стороны особенно часто потому, что он по прихоти Сталина сидит не на своем месте.

Писатель не случайно связывает Батюка с Барабановым. Хоть он и не пьяница и человек, безусловно, более крупный, но им обоим не хватает и чувства человеческого достоинства, и ума, и постоянного

чувства ответственности за жизнь людей. Не случайно оба они беспощадно и грубо ругают подчиненных, что является признаком низкого нравственного начала, и, что еще хуже, незаслуженно обвиняют в самом страшном и обидном в тех условиях грехе — трусости.

Барабанов в соседстве с Батюком как бы показывает, что любой произвол в выдвижении личности и необоснованное покровительство всегда вредны, в каких бы масштабах это ни происходило.

С другой стороны, Батюк и Капустин тоже не случайно поставлены рядом. Симонов в этих образах раскрывает характерное для периода культа личности противоречие между человеком и руководителем, между личной храбростью и гражданским мужеством. Оба они в трудную минуту бросаются спасать человека, тут они безупречны. (Эти эпизоды есть в романе.) Но когда они как руководители, генералы, думают о тысячах подчиненных, они забывают, что эти тысячи состоят из отдельных личностей, со своей сложной, неповторимой судьбой, каждую из которых надо беречь. И защищать эту жизнь не от пули или пожара, а перед лицом плана или приказа у них не хватает мужества или желания. Это и есть наиболее наглядное проявление нравственных пороков, порожденных культом личности, вот почему эти люди так важны в романе и важно, что с ними именно по этой линии вступают в конфликты Серпилин и Калинин.

Если в Батюке и Капустине Симонов раскрывает отдельные пороки, вызванные этим временем, то Люсин и Бастрыков это уже законченные нравственные уроды, порожденные все теми же историческими противоречиями. Они уже давно занимают внимание писателя. Люсина мы помним по «Живым и мертвым», а Бастрыкова по «Южным повестьям». По отношению к ним Симонов беспощаден, потому что эти люди более вредны, они вредны во всем и особенно своей фальшью.

Разоблачение Люсина происходит постепенно именно потому, что он внешне может быть безупречен. Сначала еще в «Живых и мертвых» насстораживает какое-то слишком хорошее и педантичное знание не столько своих обязанностей, сколько своих прав, потом его непорочность и нечистоплотность проявляются во встрече с Синцовым под Москвой, но и здесь он еще может прикрыться и бдительностью, и приверженностью к порядку, хотя на самом деле это было, конечно, настоящее предательство. В новом романе Симонов ставит его в такие ситуации, когда маскировка невозможна.

Сначала мелкий, но достаточно выразительный эпизод его грубого, можно сказать хамского, поведения по отношению к Тане Овсянниковой и главное, конечно, его пребывание в батальоне Синцова.

Здесь Симонов снимает ореол настоящего даже с того, в чем Люсин до сих пор казался безупречным, с его храбрости. И танкист Иванов, и партизанские командиры считали его храбрым, но вот теперь на деле и храбрость оказывается искусственной, показной, фальшивой. Храбрость на фронте всегда определялась не столько умением самому не кланяться под пулями, сколько умением в самых страшных условиях думать о других, защищать других, спасать их. Вот этого умения, души, человечности и нет у Люсина, и вся его низкая, эгоистическая натура до конца раскрывается в эпизоде с мальчиком. В том-то и дело, что он вообще не трус, как говорит про него его напарник, журналист Гурский. Но эта вообще не трусость тоже показная, только для себя, при полном равнодушии к людям, которые его окружают. Они его интересуют только как материал для корреспонденции.

И если Синцов говорит, что для командира главные качества смелость и правдивость, то тем более эти качества важны для журна-

листа. А Люсин этих качеств не имеет и в то же время Гурский думает: «Иногда мне вдруг кажется, что он далеко пойдет. Гладкий парень, нигде не зацепится. Вполне возможно, буду еще когда-нибудь работать под его руководством» (стр. 334). Потому что фальшь Люсина поддерживалась во многом фальшью и формализмом в пропаганде, создаваемыми культом личности. Еще больше это видно на образе Бастрякова. Эти образы тоже связаны между собой своей фальшью и как бы двойным лицом.

Бастряков наиболее законченный отрицательный персонаж, он — самое страшное порождение противоречий этого периода. По существу подлец, трус и циник, он очень ловко использует высокие слова, прикрываясь правильными, а подчас и неправильными лозунгами и указаниями о дисциплине, бдительности и воспитании масс. И здесь Симонов не придерживается никакой постепенности. Самое плохое о Бастрякове мы узнали уже в повести «Левашов» во время его ночных пьяных откровений. Появление его в последнем романе показывает, как цепки и увертливы подобные люди, как упорно они тянутся к внешне значительным, но по существу не очень ответственным постам и как именно поэтому они опасны и вредны.

Бастряков типичен именно как порождение того времени. Определенная фальшь, приумножение сил врага и преувеличение наших сил, расхождение между отдельными лозунгами и делами, превращение бдительности иногда в подозрительность, попытка обвинять целые народы в измене отдельных лиц и многие другие серьезные ошибки периода культа личности и создавали условия для процветания таких, как Бастряков. И не ошибка, а заслуга Симонова в том, что он показывает его как идеологического работника. Здесь и легче прикрыться словами, и труднее увидеть прямой вред от деятельности подобных «начальников». Автор все время сталкивает его с настоящими коммунистами; в повести — Левашов и Ефимов, в романе — Серпилин и Захаров. Они по мере сил ограничивают действия Бастрякова, но бороться с ним в открытую не могут. И в этом как раз горькая историческая правда.

Одно из самых страшных проявлений культа личности именно в том, что он создавал условия для появления таких фальшивых коммунистов. Когда член Военного Совета армии Захаров в связи с историей немца разведчика Гофмана размышляет о Бережном и Бастрякове, зная, что один из них стоящий, а другой — нестоящий, но ему сейчас как раз придется поддерживать нестоящего, он думает именно о том, что один настоящий коммунист, а другой — нет, но разоблачать его фальшь, его подлость, в тех условиях почти невозможно. Ведь приказ-то насчет Гофмана написал не Бастряков, и, хотя все видят его формальность, но выполнять его приходится.

За последнее десятилетие жизнь и литература научили нас глубже и сложнее, реальнее и трезвее разбираться в противоречиях недавнего исторического прошлого. Если в 1957 г. после появления повести «Левашов»⁵ Симонова обвинили в искажении исторической правды, то в 1960 и 1964 годах критики уже отмечали достоверность и важность образа Бастрякова. Говоря об успехах нашей литературы, надо, в первую очередь, отметить, что она учит нас не боясь смотреть на отрицательные явления нашего прошлого и настоящего. Образ Бастрякова потому важен, что такой деятель — порождение исторических противоречий, а не просто патологический трус и мерзавец. Такие типы сами отнюдь не исчезают, борьба с последствиями культа личности — это

⁵ «Москва», 1957, № 6; первоначальное название «Еще один день».

и есть их разоблачение и беспощадная борьба с расплодившимися деятелями подобного типа. Вот почему о Бастрюкове как о важном художественном открытии Симонова так много говорят читатели и в письмах, и на читательских конференциях.

Все эти отрицательные тенденции и персонажи интересуют Симонова не сами по себе, они существуют в романе не просто для колорита. Создавая эпопею военного времени, Симонов рисует сложную и противоречивую картину жизни советского общества. Поэтому ярче выступает подвиг народа, отдающего все силы борьбе за победу и завоевавшего эту победу немалой кровью. Симонов, в первую очередь, стремится выявить те черты советских людей, благодаря которым культ личности, несмотря на всю его трагичность, не мог нанести непоправимого ущерба социалистическому строю. Поэтому главным народным героем в романе является Серпилин, как человек, в котором наиболее ярко и последовательно, наиболее художественно убедительно выявлены черты, рожденные Октябрьской революцией, черты настоящего коммуниста, черты, необычайно важные и тогда и сегодня.

Конечно, Серпилин не один, иначе он не был бы народным героем. Рядом с ним много людей, близких ему по духу и по характеру, и естественно, что все они — коммунисты. Не случайно и то, что в этом романе Симонов, вопреки своему обыкновению, создал много интересных образов партийных работников разных рангов: Захаров, Малинин, Бережной, Левашов, Завалишин. И каждый из них раскрывается в своем умении бороться за идею и за человека вместе. Но большинство из этих героев люди старшего поколения, воспитанные в огне революции и гражданской войны. С точки зрения основной авторской идеи важно было показать становление и созревание в ходе войны коммунистов следующего поколения. И здесь важную роль играет образ Синцова.

Некоторые критики считают, что Синцов уже исчерпал себя в первом романе. На самом деле это не так. Как раз в «Солдатами не рождаются» мы видим очень важный дальнейший рост Синцова и его внутреннее приближение к Серпилину. Про Синцова говорят в романе, что он нашел себя как командир батальона, т. е. как самостоятельно мыслящий, инициативный офицер, способный решать сложные жизненные и военные задачи. Но точнее его определяет Левашов, когда говорит про него: «личность». В «Живых и мертвых» Синцов действовал всегда, в общем, верно, с честью выходил из очень трудных положений, но мыслей интересных там ему не хватало.

В новом романе он интересен, в первую очередь, своими мыслями, оценками, сопоставлениями. Именно по отношению к нему и к Серпилину автор чаще всего применяет внутренний монолог, размышления и воспоминания наплывом, причем не только когда они остаются наедине, но и когда они ведут как бы молчаливую беседу с присутствующими.

Синцов очень близок Серпилину многими своими размышлениями об ответственности командира, о значимости человека, о чувстве человеческого достоинства и гордости, но главное в том, что Синцов ни на минуту не хочет и не может удовлетвориться обывательской философией: «не моего ума дело». Его раздумья о судьбе страны, о причинах наших поражений и неудач, наших недостатков раскрывают в нем человека, который приближается к Серпилину, начинает чувствовать себя ответственным за все, и пока он это все не поймет, не успокоится. Конечно, Синцов человек другого поколения, другого жизненного опыта, да и другого положения, чем Серпилин, многого

ему еще не хватает по сравнению с его «первой любовью на войне» (Серпилиным). Но Симонов хочет показать, как растут такие люди, как формируется их идейное, гражданское мужество. Не случайно Синцов задумывается над сложными политическими вопросами (о роли Сталина и др.). Не случайно он принимает на свои плечи завещание Левашова и твердо решает вступить в открытый бой с Бастрюковым (причем здесь у Синцова с Серпилиным почти повторяется та же ситуация, которая была ранее у Серпилина с Иваном Алексеевичем). Не случайно и то, что роман заканчивается свиданием Серпилина и Синцова. Кстати, «Живые и мертвые» кончались тем, что такое свидание не состоялось.

Все это говорит о том, что роль Синцова здесь отнюдь не случайная и не только сюжетная. Если в «Живых и мертвых» он искал свое место на войне, то здесь он не только нашел место, но нашел и себя как человека, вернее, стал солдатом, солдатом не только великой армии, но и, в первую очередь, великой партии.

Таким образом, роман Симонова это эпопея, эпопея нравственного роста и созревания советского народа на войне, формирования того народного характера, который обеспечил и нашу победу и наше сегодняшнее строительство. В этом и историчность романа, и в этом же его современность.

Кафедра русской литературы
Вильнюсского государственного
педагогического института

Представлено
в июне 1965 г.

K. SIMONOVO ROMANO „KAREIVIAIS NEGIMSTAMA“ ZANRO KLAUSIMU

E. KOLPAKOVA

Re z i u m ė

Paskutinieji K. Simonovo romanai — „Gyvieji ir mirusieji“ ir „Kareiviais negimstama“ — yra savotiškas ir jo paties kūrybos, ir visos literatūros karine tematika raidos per ketvirtį amžiaus rezultatas.

Tai romanai apie armiją, apie kareivius — nuo eilinio iki maršalo, — apie jų karinį ir pilietinį didvyriškumą, apie liaudies charakterio formavimąsi karo metu. Romane „Kareiviais negimstama“ pagrindinis liaudies didvyris yra Serpilinas — žmogus, kuriame ryškiausiai ir nuosekliausiai, meniškiausiai ir įtikinamiausiai pasireiškia Spalio revoliucijos įtakoje susiformavę bruožai, tikro komunisto bruožai, ypač reikalingi ir anuo metu, ir šiandien. Greta Serpilino daug žmonių, artimų jo dvasiai ir charakteriui; savaimė suprantama, kad visi jie komunistai. Prie Serpilino ypač priartėja atsakomybės pajautimu Sincovas.

Kurdamas karo laikotarpio epopėją, K. Simonovas piešia sudėtingą ir prieštaringą tarybinės visuomenės gyvenimo vaizdą. Visų pirma jis stengiasi išryškinti tuos tarybinių žmonių bruožus, kurių dėka asmenybės kultas, nepaisant savo tragiškumo, negalėjo pernelyg pakenkti socialistinei santvarkai. Tuo pačiu K. Simonovas plačiai nušviečia tuos moralinius iškrypimus ir nusikaltimus, kuriuos sukėlė asmenybės kultas ir su kuriais reikia ryžtingai kovoti.

Romanas „Kareiviais negimstama“ yra tarybinės liaudies moralinio kilimo ir brendimo karo metu epopėja.